

Г.Ю. Аманбаева

Карагандинский государственный университет
(filfak79@mail.ru)

Дискурсивное направление в парадигме антропоцентризма

В статье рассмотрены этапы формирования дискурсивного направления как способа исследования текста в зависимости от экстралингвистических факторов

Ключевые слова: дискурс, текст, парадигма, структурализм, антропоцентризм, онтология

G. Yu. Amanbayeva

The direction of discourse in the paradigm of anthropocentrism

In the article the stages of formation of discourse method oriented to researching of the text according to extra-linguistic factors.

Keywords: discourse, text, paradigm, structuralism, anthropocentrism, ontology

Сложившаяся к концу XX столетия парадигма лингвистического знания отразила не только арифметическое, суммарное увеличение количества направлений и теорий, но и стала своеобразным доказательством формирования «новой реальности». В языковедческой науке, потребовавшей адекватного концептуального обоснования и соответствующего метаязыка описания.

Динамика исследовательского поиска, выступающая в качестве движущего механизма диалектики научной мысли, определяет смену методологических приоритетов и трансформацию парадигм знания. Современная лингвистическая методология ориентирована на раскрытие глубинной взаимосвязи между миром и человеком, образующей семиотическое пространство языка, то своеобразное «зеркало», в котором отражены сферы внешней и внутренней бытийности, мир действительности и мир человека. Отчасти эти вопросы поставлены на материале русской языковой и религиозной культуры современным исследователем Михаем Фрешли [Фрешли, 2015:80-85; 2011].

Приоритет антропоцентрической тенденции в современной лингвистике актуализирует описание «многомерности лингвоментального существования» [Дейк Т.А. ван 1989:56] личности, создающей феномен знакового отражения индивидуальных смыслов и культурно-социальных стереотипов, пространственных и временных категорий; реальных и вымышленных ситуаций.

Определяя современные методологические ориентиры и констатируя вхождение лингвистики в этап «второй когнитивной революции» или «дискурсивного переворота» [Залевская 2000:22], ученые отмечают активизацию поиска возможностей «выхода когнитивной лингвистики за пределы логических и априорных построений структур репрезентации знаний на качественно новый уровень познания» [Селиванова 2000:69] и объяснения механизма когниции, концептуализации в процессе речи, создания текста и дискурса [Т. ван Дейк,

В.Кинг, У. Ленгерт]. В качестве релевантных выступают те стороны языка, которые раскрывают пространство человеческого духа, процессы человеческой когниции, специфику национального и индивидуального сознания, внутреннее бытие и уникальность личности, т.е. те параметры, которые определяют содержание «новой интерпретации», репрезентированной в исследованиях дискурсивного модуса языка.

Осознание перспективности и инновационности дискурсивного направления сопряжено со стремлением установить границы предметной сферы, выявить концептуальную основу данной отрасли лингвистического знания. Установление статуса дискурсивного направления в ракурсе самодостаточности и эпистемологической цельности представляется невозможным без описания этапов становления данного направления на фоне лингвистических парадигм.

Процесс формирования дискурсивного направления детерминирован как сменой методологических ориентиров в общенаучном и лингвофилософском контекстах, так и деятельностью отдельных национальных школ, образующих сложившийся на данный момент «инвариант» [Степанов 1998:8] лингвистического знания. Принимая во внимание наличие традиции национальных школ в освещении дискурсивной проблематики, Ю.С.Степанов приходит к мнению о том, что теория дискурса - «инвариант» – не является чем-то цельным, он имеет мозаичное строение и каждый фрагмент этой мозаики оказывается преимущественным объектом какой-либо одной школы» [Степанов 1998:9]. Данная постановка проблемы актуализирует роль отдельной национальной школы в процесс структурирования научного знания, и в связи с этим мотивирует обращение к феномену национального сообщества, локализованного в параметрах «пространства и времени».

Целесообразность обращения к параметру национальных интерпретаций объясняется вариативностью понятийных интенционалов термина «дискурс» и принципов анализа дискурса в континентальных (период «межконтинентального» изоляционизма) и национальных метамоделей объекта. Рефлексируя по поводу «расплывчатости» термина «дискурс», лингвисты объясняют многозначность и неоднородность терминологических дескрипций. Наблюдаемая в трактовках дискурса вариативность не искажает его образ, а лишь демонстрирует исследовательские акценты в раскрытии дифференциальных свойств объекта.

Вполне оправданной является позиция У.Чейфа, который отмечает, что «продолжает оставаться необходимость модели естественного дискурса, которая объединила бы разнообразные когнитивные и социальные факторы, ответственные за организацию языка. Дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сводя дискурс к одному или двум измерениям» [Чейф 1999:65].

Нетождественность дефиниции дискурса обусловлена с одной стороны его многогранной природой, с другой – пристрастностью лингвистов к одному из его свойств и проявлений, раскрывающихся в индивидуальных моделях и свидетельствующих о проявлении «человеческого фактора» в номинации исследуемого объекта. Тем не менее наблюдаемая несводимость дискурса к единой универсальной модели не лишает исследователей возможности выявить

инвариантные параметры его организации и функционирования, что позволит аккумулировать имеющийся опыт описания и анализа в общей теории дискурса.

Создание целостной теории, направленной на адекватное описание исследуемого объекта, опирается на «созерцание реальных фактов, которые составляют базу абстрактного теоретизирования, осуществляющегося сначала на первом уровне абстракции в пределах частной теории. Эта последняя позволяет представить конкретную теоретическую область, которая, в свою очередь, обуславливает переход к высшей форме абстрагирования в виде общей теории» [Филиппов 2003:8].

Семиотическая интерпретация онтологических констант дискурса предполагает комплексное решение следующих вопросов:

а) раскрытие диалектики становления теории текста и дискурсивного направления в проекции смены методологических приоритетов в лингвистической науке;

б) экспликация дескрипций текста / дискурса в диахроническом аспекте;

в) систематизация метамodelей дискурса в синхроническом ракурсе: выявление универсальных параметров дискурсивного семиозиса;

г) установление универсальных параметров семиотической организации текста / дискурса;

д) обнаружение корреляции текста / дискурса на основании субстанционально-функциональных характеристик и в плане современных методологических ориентиров.

Формирование проблематики, связанной с исследованием текста / дискурса, было сопряжено с процессом трансформации методологических доминант в общенаучном и лингвофилософском контекстах и детерминировано сменой эпистемологических акцентов в понимании и интерпретации объекта.

В становлении теории текста / дискурса отразились межпарадигмальные связи и оппозиции, проявившиеся как в конгруэнтности, так и антикумулятивности постулатов постструктуралистского периода (генеративистского и антропоцентристского) положениям структуралистских теорий. В то же время «резкое противопоставление современной лингвистики текста предшествующим направлениям языкознания не является правомерным потому, что у них оказывается общий объект познания - язык; различается же предмет познания в зависимости от того, на чем делается акцент: на трактовке языка как на некой абстрактной системе единиц в их парадигматических соотношениях и связях или на языке в действии, т.е. в употреблении его говорящими» [Реферовская 1983:3].

Теория текста формируется на базе структуралистского фундамента, абсолютизирующего принципы имманентности, инвариантности, абстрактности языковой системы. В ракурсе структуралистской проекции в качестве исследуемой метареальности выступает текст, рассматриваемый как целостное содержательное единство элементов, обнаруживающих различные типы корреляционных связей.

Определяя текст в качестве исследуемого объекта, Е.А.Реферовская приходит к следующему знаменателю: «исследователю предложен целый ряд определений текста как объекта лингвистического изучения. Но все они, в

сущности, сводятся к тому, что рассматривают текст как некое структурированное по определенным законам единство, состоящее из языковых единиц - предложений, объединенных между собой и образующих более крупные единицы - сверхфазовые единства - тематические отрезки текста, параграфы, главы, разделы и т.д., служащие для передачи определенного законченного содержания, отвечающего целям коммуникации» [Реферовская 1983:5].

В принципах структуралистского описания доминирует реляционный параметр, опирающийся на характер взаимозависимости и взаимообусловленности элементов, так как «явления рассматриваются не как простая сумма элементов, но как связанные совокупности, образующие автономные единицы, характеризующиеся внутренними взаимозависимостями и имеющие собственные законы» [Косиков 2000: 12].

Редукционистское понимание текста на основании структуралистского принципа холизма (внутренней целостности объектов) отражено в дефиниции М.Пфютце: «я понимаю под текстом определенную организованную по цели и смыслу совокупность фраз или фразовых элементов, между которыми имеются значимые отношения и функции, т.е. структурированное единство, представляющее в сознании в виде лингвистической единицы, какое-либо комплексное явление действительности в его относительно законченной смысловой целостности» [Пфютце 1978:11].

В структуралистской традиции текст манифестируется как «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Реферовская 1983:38].

В качестве конститутивных признаков текста выступают целостность и связность, так как отмечает И.В.Арнольд «теория текста должна сформулировать условия, при которых комбинация предложений образует связный текст, т.е. отмеченную последовательность. Смысл образующих последовательность предложений должен быть построен таким образом, чтобы каждый элемент, войдя в состав более высокого уровня (в конечном счете целого текста), участвовал в его интеграции, создавая допускающее интерпретацию сообщение» [Арнольд 1999: 51].

Целость определяется, по мнению А.А.Леонтьева, тем, что «текст есть функционально завершенное речевое целое» [Леонтьев 1999:44]. Связность, «проявляющаяся каждый раз в других параметрах, на разных уровнях текста и в разной совокупности частных связей» [Реферовская 1983:61] является неотъемлемым признаком всякого текста, и способы выражения связности текста, т.е. языковые механизмы, соединяющие воедино отдельные элементы текста и образующие в результате некое формальное смысловое единство, и служат в первую очередь объектом изучения лингвистики текста.

Маркирование типов связей между элементами текста предполагает разграничение когерентности, т.е. «глобальной связности», «представляющей текст так когерентное множество и когезии как локальном проявлении связности между единицами не меньшими, чем предложение.

Когерентность текста представляет результат взаимодействия логико-семантического, синтаксического и стилистического видов когезии. Связность достигается в соответствии с тремя уровнями отношений элементов в тексте: 1)

знак – знак (т.е. синтаксический уровень) и синтаксическая когезия; 2) знак – интерпретатор (т.е. прагматический уровень) и стилистическая когезия; 3) знак – объект (т.е. семантический уровень) и семантическая когезия.

В рамках структуралистской конвенции выявляется поверхностный уровень текста, образующийся на основании «гносеологической первичности семантической связности среди строевых корреляторов единства текста» [Гальперин 2004:61]. Структуралистское рассмотрение текста, опирающееся на установление реляционных связей между текстовыми сегментами, предопределило дивергенцию «нескольких самостоятельных научных дисциплин: общей теории текста, грамматики текста и стилистики текста» [Чейф 1999:13].

Дифференциация данных направлений свидетельствовала не только о локализации исследовательских интересов, но и углублении представлений о природе объекта, обусловленных содержанием постструктуралистского периода. В постструктуралистской, функциональной модели описания языка доминирует принцип телеологического описания, раскрывающего «целевую причину» формирования и реализации как отдельного языкового элемента, так и, в целом, феномена языка как коммуникативно-социального явления.

Функциональной интерпретацией обусловлена дефиниция текста, данная И.Р.Гальпериным и демонстрирующая следующий виток в понимании онтологии объекта: «текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из заголовка и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Москальская 1981:18].

Сложившаяся в период 60-70-х годов лингвистика текста отразила констатацию структуралистского и функционального подходов, с одной стороны устанавливающих у «текста наличие статической структуры» и ориентированных на поиск «основной единицы» (абзаца, сверхфразового единства), с другой – формирующих «принципиально новое представление структуры текста: динамическое» [Дейк Т.А. ван 1978:196].

Опирающаяся на традицию герменевтических и формально-логических исследований и вобравшая ряд подтеорий (теорию линейного построения текста, теорию композиции текста, теорию грамматики), лингвистика текста была нацелена на «1) описание внутренних свойств текста, текста как такового, 2) выяснение текста в социальном контексте, т.е. выявление внешних функций текста» [Демьянков 1986:279].

Текстовая проблематика, сложившаяся в период смены лингвистических парадигм и трансформации методологических приоритетов, продемонстрировала экстраполяцию вектора функционально-семантических исследований в предметную сферу типологических описаний: «в отличие от принятого до сих пор толкования «текста» (текст – это когерентное множество предложений), теперь, в рамках современного его включения в цепь связей, текст уже постоянно

трактуются как «множество высказываний в их функции и, соответственно, как социальная реализация» [Арнольд 1999:150].

Функционально-семантический план рассмотрения объекта предопределяет выдвижение новой метареальности - дискурса. Первоначальная комплементарность терминологических понятий «текст» и «дискурс» свидетельствовала, во-первых, о начальном, редуccionистском этапе дискурсивного направления, характеризующегося в данный период перекрещиванием, интерференцией не только понятийных объемов терминов «текст» и «дискурс», но и мета-моделей объектов исследования, методов описания и теоретических конвенций.

Этап зарождения дискурсивного направления обусловлен «противопоставлением функционализма формализму, когда, по справедливому мнению М.П.Макарова, сталкиваются различные взгляды на природу самого языка и различные методологические принципы его исследования», причем как отмечается исследователем «само дискурсивное направление оказывается в конечном счете известным разумным компромиссом между крайностями названных школ, ибо дискурсивный анализ должен, по идеи «интегрировать анализ формы и функций своего объекта» [Макаров 2003:107]. Период метонимической корреляции объектов отразился в соответствующих дефинициях, репрезентирующих новый объект, но не раскрывающих его онтологическую сущность и в результате представляющих адаптированную к новым задачам систему предыдущего знания.

Показательно в данном случае определение дискурса, данное Т.М.Николаевой: «Дискурс - многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность - письменная или устная» [Николаева 1978:467].

Во-вторых, становление дискурсивного направления и делимитация контуров объекта осуществлялись на фоне конкурирующих метаязыков описания, предопределивших постепенное размежевание лингвистики текста и теории дискурса и демонстрирующих вариативность национальных моделей и теоретических прескрипций.

Установление национальных вариантов дефиниции объекта позволяет раскрыть нетождественность интерпретаций, маркирующих различные определения дискурса в аспекте актуализации дискурсивного направления и убеждения в том, что «исключительная важность вопроса о том, что такое дискурс ложится в основание новой парадигмы лингвистического знания, именуемое нами когнитивно-дискурсивной и представляющей собой интеграцию ведущих парадигм современности - когнитивной и коммуникативной» [Залевская 2000:19].

Антроподетерминированное понимание природы текста и модуса его функционирования мотивировало выдвижение и популяризацию нового объекта - дискурса. Зарождение дискурсивного направления было обусловлено «противопоставлением функционализма формализму», когда, по выражению Ю.С.Степанова, сталкиваются различные взгляды на природу самого языка и

методологию его исследования [Степанов 2002]. Целесообразность постановки проблемы терминологической идентификации объекта заключалась в том, что дискурс с точки зрения методологической установки стал метаязыковым конструктом, репрезентирующим принципы антропоцентрического и функционального описания природы естественного человеческого языка.

Литература:

1. Fresli M. Kulturális hálózatok. Szombathely, 2015. - pp. 80-85.
2. Fresli M. Kultúra és tradíció., Szombathely, 2011. - pp.11-15.
3. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века// Язык и наука конца XX века. – М.: Рос.гос.гуман.ун-т., 1995
4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Наука, 1989. – 167 с.
5. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. - М.: Рос. гос. гуманит.ун-т, 2000. - 382 с.
4. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология (монография). - Киев: Издательство украинского фитосоциологического центра, 2000. - 248 с.
6. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика. - Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. - С. 5-35.
7. Чейф У. Значение и структура языка. - Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1999. – 428 с.
8. Филиппов К.А. Лингвистика текста: Курс лекций. – СПб.: Из-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 336 с.
9. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. – Л.: Наука, 1983. – 211 с.
10. Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 3-48.
11. Пфютце М. Заметки об участии некоторых грамматических средств в построении текста // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1978. – Вып. VIII: Лингвистика текста. – С. 71-91.
12. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 444 с.
13. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1999. – 287 с.
14. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.
15. Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Наука, 1981. – 120 с.
16. Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. - Вып. VIII: Лингвистика текста. – С. 259-336.
17. Демьянков В.З. Теория речевых актов в контексте современной зарубежной лингвистической литературы (обзор направления) // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. XVII: Теории речевых актов. - С. 223-235.
18. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТД ГК «Гнозис», 2003. – 280 с.